

2. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : Закон, 13 апр. 2012 г., № 4651-VI. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4651-17#Text> (дата обращения: 15.03.2021).

УДК 343.1

М.Э. Каац

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и Республике Беларусь каждый имеет право использовать свой родной язык, что гарантировано в положениях конституций двух государств (ст. 26 Конституции РФ, ст. 50 Конституции Республики Беларусь). Исходя из этого, лицам, не обладающим соответствующими знаниями используемого в уголовно-процессуальных отношениях языка, гарантирован механизм привлечения переводчика.

В ч. 2 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) и ч. 2 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК Республики Беларусь) закрепляются положения, которые являются своего рода инструментом, нивелирующим возможные нарушения прав участников уголовного судопроизводства, связанные с языковой составляющей. Так, положениями УПК РФ и УПК Республики Беларусь предусматривается обязанность органов и их должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство по разъяснению и обеспечению права субъектов, не владеющих языком судопроизводства, осуществлять различные действия на том языке, которым они владеют. В рамках реализации такого права должен принимать участие переводчик, предоставляемый на бесплатной основе. В ч. 3 ст. 18 УПК РФ и ч. 3 ст. 21 УПК Республики Беларусь предусматривается обязанность органов уголовного судопроизводства, связанная с переводом необходимых процессуальных документов, которые вручаются лицу, не обладающему знаниями языка уголовного судопроизводства.

В российской юридической литературе отмечается, что содержательное наполнение ч. 2 ст. 18 УПК РФ не может быть сопоставимо с теми гарантиями, которые предоставляются конституционными положениями. Так, Я.В. Жданова отмечает, что указанные положения ограничивают в правах лиц, которые обладают знаниями русского языка, но в то же время хотят реализовать право пользоваться в рамках уго-

ловного судопроизводства родным языком [1, с. 77]. Следует отметить, что в практике деятельности органов предварительного расследования России существует достаточное количество примеров, когда лица, обладающие знаниями русского языка, ходатайствуют о привлечении к процессу переводчика в целях пользования своим родным языком. Указанные примеры существуют на территории отдельных республик РФ. Однако такие ходатайства в России могут правомерно отклоняться с мотивировкой о «злоупотреблении конституционными и уголовно-процессуальными положениями». Данная проблема неоднократно рассматривалась Конституционным Судом РФ и в рамках его решений предписывалась необходимость индивидуального подхода к рассмотрению подобных ходатайств, что возложено на следователя, дознавателя, либо суд, рассматривающий уголовное дело [2, 3].

Таким образом, содержание ст. 18 УПК РФ упоминает о том, что только лишь «невладение, либо недостаточное владение русским языком» позволяет лицу воспользоваться правом использования услуг переводчика. Однако ни положения уголовно-процессуального законодательства России, ни разъяснения ее высших судебных органов не раскрывают содержания того, что необходимо подразумевать под категорией «невладение, либо недостаточное владение русским языком». Полагаем, аналогичная проблема присуща и правоприменительной практике Республики Беларусь.

Следующий дискуссионный момент, связанный с участием переводчика в расследовании по уголовным делам, продиктован предписаниями ч. 1 ст. 96 УПК РФ. В ней закреплено право задержанного подозреваемого на один телефонный разговор, которое должно быть реализовано им в течение трех часов. При этом российский законодатель четко регламентировал в указанном положении, что такое право должно быть реализовано исключительно на русском языке. Отметим, что ни о каком привлечении переводчика в случае невладения или недостаточного владения подозреваемым русским языком речь не идет. Не входит ли в противоречие указанная норма с принципом языка уголовного судопроизводства? По формальным основаниям, думается, входит. Поэтому в юридической литературе высказывается мнение о необходимости внесения изменений в ст. 96 УПК РФ с указанием в ней обязательного участия переводчика при реализации права на телефонный разговор подозреваемого, не владеющего русским языком [4, л. 17]. Однако возникает другой вопрос, возможно ли будет реально обеспечить правоприменителям привлечение переводчика в установленный трехчасовой временной период? Ответили на него отрицательно 95 % опрошенных

российских сотрудников органов предварительного расследования. Особенно затруднительным видится реализация данного положения в сельской местности. Так, по уголовному делу № 120***874 обвиняемый гражданин Республики Азербайджан Р. подал ходатайство о предоставлении ему переводчика в связи с невладением русским языком. Следователь ходатайство удовлетворил, однако фактическая его реализация была осуществлена на 10-е сутки, в связи с поиском переводчика с азербайджанского языка [5].

Выходом из положения видится создание российского института судебного (присяжного) переводчика. Данный институт существовал во времена Российской империи [4, л. 104] и раннего СССР [4, л. 107]. Функционирует он и в нынешнее время в рамках уголовного судопроизводства отдельных стран (Эстонии, Польши, США и др.). С 2015 г. на базе Нижегородского регионального отделения Союза переводчиков России ведется работа по созданию и законодательному утверждению Положения о судебном переводчике в России [6]. Внедрение указанного положения в практику деятельности органов уголовной юстиции России позволило бы решить целый комплекс вопросов, возникающих в связи с необходимостью обеспечения участия переводчика в расследовании по уголовным делам. Полагаем, в Беларуси также назрела необходимость создания аналогичного профессионально-юридического сообщества переводчиков, благодаря функционированию которого будут реально обеспечиваться нормы ст. 21, 201 и 300 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Жданова, Я.В. Язык уголовного судопроизводства в РФ: теория и практика / Я.В. Жданова // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Рос. экон. ун-т им. Г.В. Плеханова ; Рос. фонд фундамент. исслед. – 2017. – С. 77–81.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина А.Н. Мухаметшина на нарушение его конституционных прав ч. 2, 3 ст. 18 УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июня 2006 г. № 219-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина М.В. Череповского на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 18 УПК РФ [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 июня 2006 г. № 243-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гуськова, А.В. Функция переводчика в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Гуськова. – Нижний Новгород, 2018. – 336 л.
5. Материалы уголовного дела № 120***874 ОМВД России по Давлекановскому району Республики Башкортостан.

6. Официальный сайт Союза переводчиков России [Электронный ресурс]. – URL: <http://translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator> (дата обращения: 26.02.2021).

УДК 343.296

Н.В. Кривощёков

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, НА ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПУБЛИЧНЫЙ АСПЕКТ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА

Традиционно сложившаяся модель российского уголовного процесса имеет ярко выраженный публичный характер, поскольку уголовное судопроизводство осуществляется от имени государства и направлено на предотвращение, пресечение и раскрытие общественно опасных деяний – преступлений. Следует отметить, что защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений выделена в качестве первоочередного в назначении уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Основные интересы потерпевшего в уголовном процессе заключаются в обеспечении доступа этого участника к правосудию, а также восстановлении его нарушенных преступлением прав. Правовые механизмы реализации указанных интересов проработаны в уголовно-процессуальном законодательстве, в частности, обязанность обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, на досудебном производстве закреплена за властным субъектом, ведущим уголовный процесс, что вытекает из положений ст. 42, 11 и 160.1 УПК РФ. При этом задействуются предусмотренные законом полномочия следователя (дознателя), и восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего «переходит» из категории частного (так как затрагивает только данного участника уголовного процесса) интереса в область публичных отношений. Кроме того, п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ определяет характер и размер ущерба, причиненного преступлением, в качестве одного из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что в контексте изложенного выше возлагает на следователя (дознателя) обязанности не только по установлению данного обстоятельства, но и по обеспечению возмещения причиненного вреда.

Отмеченное справедливо для классической формы возмещения вреда, причиненного преступлением, – гражданского иска в уголовном процессе, когда после возникновения отношений по гражданскому иску